

СТОЛИЦЫ БЕЗ АКТУАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ, КАСИМОВЕ И МЫШКИНЕ

И.Ю. Окунев, Д.В. Басова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр.Вернадского, 76.

В статье рассматриваются концепты «столичности» и «пространственной идентичности». В рамках исследования будет произведена попытка анализа института столиц как на символическом, так и на функциональном уровне. В таком случае столицы являются не только местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре. Процесс межрегиональной дифференциации внутри государства через создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией является механизмом, позволяющим выявлять территории, нуждающиеся в поддержке для сохранения соответствия национальным нормам, и, соответственно, поддержания государственности. Традиционно выделяется два ведущих территориальных основания формирования государственности: национальное строительство и угрозы безопасности или, другими словами, маркирование ментальных границ общества «Мы» и актуализация «Других». В современной политической географии по данному вопросу намечается поворот к изучению третьего механизма – внутреннего «Другого». Для доказательства роли межрегиональной дифференциации в качестве механизма национального строительства возможны две стратегии. Логичным был бы анализ различных дискурсивных и институциональных практик маргинализации регионов. Однако такой путь выводит нас на огромное количество кейсов, различающихся по множеству параметров и, как следствие, не допускающих генерализацию в выводах. В этой связи нам представляется возможным обращение к другой стратегии – поиску доказательств целенаправленного противопоставления центра периферии, наделяния за столичным центром не только административных, но и символических национальных и центробежных функций. Существование одного полюса дихотомии должно подтверждать существование и противоположного. Проводится анализ трех кейсов – Старой Ладого, Мышкина и Касимова, – в которых по-разному интерпретируются особенности географического пространства. Кроме того, авторы приводят наглядные примеры конструирования мифа о «столичности», выявляя в этом те или иные инструменты символической политики.

Ключевые слова: пространственная идентичность, столичность, интерпретация пространства, Старая Ладога, Мышкин, Касимов.

Собирать и обрабатывать материал в экспедициях авторам помогли студенты Факультета политологии МГИМО МИД России и факультета социальных наук НИУ ВШЭ: Богдан Барабаш, Никита Еряшев, Герман Остапенко, Елизавета Окунева, Сергей Савин, Анастасия Салаватова, Мария Тисленко и Александр Цацурин. Авторы выражают им глубокую признательность и благодарность.

Понятие «столичность» несёт в себе большую смысловую нагрузку и не является окончательно сформированным и устоявшимся в академическом дискурсе. В последнее время появляется исследование, акцентирующие свое внимание не на институциональном наполнении термина «столичность» (место расположения органов государственной власти), а на символическом. Так, Вадим Россман отмечает, что столицы являются не только местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит "представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре [16, с. 35-36]. Понятие «столичности» в определении Д.Н. Замятина – онтологический атрибут, преобразующий, трансформирующий внешние, физико-географические приметы и признаки положения (горная котловина, плато, бескрайняя равнина, остров, предгорье, излучина реки или слияние рек, берег морского залива и т.д.) в мощный — иногда единый, а иногда дуалистический — мифологический нарратив, обладающий целенаправленной сакральной энергетикой, подпитывающей властные дискурсы [3, с. 23-28].

Современный институт столицы появляется вместе с процессом формирования национальных государств в позднем средневековье и связан с тем, что к институциональному наполнению локации (место размещения короля, двора или казны) начинает добавляться символическое наполнение столицы, выступающей в виде образа формируемой нации. Столица начинает играть ключевую роль в национальном строительстве через то, что она позволяет сконструировать дихотомию «центр-периферия» в политике.

Тем не менее, несмотря на очевидное символическое значение столицы в политических процессах, сторонники институционального подхода считают, что это значение является дополнительным, в то время, как базовым остается именно размещение органов государственной власти. Для проверки гипотезы о первичном значении символического капитала для понятия столичность было решено провести эмпирическое исследование городов, позиционирующих себя в качестве столиц, однако в которых нет и никогда не было институционального оформления столичности.

С целью разобраться с этим вопросом в 2014-2015 г.г. группа ученых из Клуба геополити-

ческих исследований МГИМО провела полевые исследования в российских городах, которые произвольно или осознанно вовлечены в мифостроительство о своем уникальном положении в культурно-географическом пространстве России. Полевые исследования были ориентированы на когнитивное картирование исторической памяти столиц с проблемной государственностью: бывшей столицы (Старая Ладога), столицы исчезнувшего государства (Касимов) и столицы выдуманного государства (Мышкин). В данном случае выбор пал на такие малые города, как Старая Ладога, Касимов и Мышки, которые по своему интерпретируют, используют и культивируют концепцию «столичности». При этом, во всех трех случаях, в этих городах нет и не было институциональной основы столичности и анализу может быть подвержена только символическая сторона этого концепта. Отличаются, как будет показано дальше эти города и от схожих примеров бывших и выдуманных столиц. В отличие, скажем, от Белозера и Изборска (наряду с Ладогой имеющих основания претендовать на столичность в древнерусском государстве), Биляра (столицы Булгарии), Кашлыка (столицы Сибирского ханства) и Гороховца (столицы страны Царя-гороха) и других таких примеров именно в этих трех случаях память о столичности носит ярко выраженный характер, трансформирующий и поведение жителей и даже городское пространство.

Сравнительный анализ кейсов позволяет определить, насколько отсутствие государственных институтов влияет на историческую память о столичности. Исследования позволяют выявить механизмы конструирования образа столицы как символической репрезентации нации. В статье проводится деконструкция символического капитала каждого из типов столиц и определяется, что каждый из них значит для государственного строительства. Исследование позволяет сделать вывод о том, что память о столичности влияет на идентичность людей не только, когда город перестал быть столицей, но даже когда данное государство давно исчезло или является выдуманным, что подтверждает важное значение символического в концепте столичности.

В ходе нашего исследования также был предложен термин «пространственная идентичность», который подразумевает восприятие собственной самобытности под воздействием особенностей положения в пространстве. В рассмотренных кейсах пространственная

■ Мировая политика

идентичность проявляется непосредственным образом в позиционировании жителей трех городов себя в качестве жителей столиц, предполагающих существование иерархических отношений с вымышленной периферией. При этом термин «столичность» формируется в прямой связи с пространством. Процесс создания пространственных идентичностей происходит с помощью инструментов, которыми обладает символическая политика: то есть создание мифов, символов, легенд о месте своего проживания и т.д.

Выдвинутая изначально гипотеза звучала следующим образом: наделение малых российских городов «столичностью» происходит за счет средств символического конструирования и вызвано необходимостью самоидентификации жителей в пространстве. Для подтверждения данной гипотезы был проведен эмпирический анализ, заключающийся в сборе письменных и устных источников, проведения социологических опросов и глубинных интервью, а также использовании метода включенного наблюдения, направленные на деконструкцию мифа о «столичности». Рассмотрим подробнее три кейса.

Старая Ладога

В историческом и общественном дискурсах Старая Ладога предстает в качестве «колыбели русской государственности» [19]. Являясь фактически небольшим поселком с историко-архитектурными постройками, храмами и музеями, Ладога, тем не менее, предстает как подлинная - в плане историческом, экономическом, культурном и духовном, - столица Российского государства. Кроме того, подчеркивается тот факт, что Ладога, в противовес Москве, несправедливо была забыта, сведена к месту, упоминаемому в школьных учебниках.

Мифологическое начало российской истории отражено в легенде о приглашении Рюрика и двух его братьев на Русь княжить. Дата 862 год является, по мысли создателей мифа о столичности Ладоги, доказательством того, что русская государственность зародилась именно в Старой Ладоге, которая в то время находилась на перепутье стратегически важных торговых и военных путей. Более подробно обосновывается исключительное экономическое значение Ладоги, которая служила опорным пунктом на знаменитом торговом пути «из варяг в греки», а также представлял собой важный «центр евразийской торговли и судоходства». Иными словами, акцент делается на «евразийском векторе», который уже в те времена представлял собой внешнеполитическую стратегию будущего Российского государства, которому неизбежно предстоит быть узлом соединения Запада и Востока. Помимо этого, при формировании «столичности» используются частые отсылки к скандинавской мифологии (в частности, многочисленным сагам о викингах, эпосу «Малая Эдда» и т.д.), согласно

которой Старая Ладога фигурирует под названием «Альдейгъюборг» [1].

По данным проведенного социологического опроса абсолютное большинство ладожан идентифицируют Ладогу с «приходом варяг», Рюриком и «первой столицей» государства Российского. На глубокую степень проникновения мифа о «столичности» Ладоги указывают также наличие памятного камня с датой 753 год – возникновение Ладоги; «первой» в России улицы, названной «варяжской»; сокола на ладожском гербе, который, по утверждениям местных экскурсоводов, символизирует самого Рюрика (по распространенной там версии, «рюрик» с древне-норвежского означает «сокол») [1].

Следует также упомянуть о таком явлении, как синкретизм язычества и христианства, который воплощает Старая Ладога. С одной стороны в Старой Ладоге сохраняется реконструкция одной из шести церквей XII века. Более того, большое значение придается двум монастырям – Никольскому и Успенскому. Никольский монастырь ведет свою историю с 1240 года, будучи основанным Александром Невским после победы в Невской битве (существует также легенда о том, что перед боем Александр молился непосредственно в церкви Святого Георгия Староладожской крепости) [20]. С другой стороны, в Старой Ладоге активно эксплуатируются языческие символы, связанные с варягами: в Староладожской крепости проводятся фестивали и представления, воспроизводящие битвы варягов и восславляющие варяжскую мужество и опрометчивость.

Наконец, одним из сильных компонентов «столичности» Ладоги является ее культурная составляющая. В XIX веке проводились археологические раскопки, целью которых было нахождение могилы вещего Олега, историю которого в свое время описал А.С. Пушкин. В настоящее время обозначено то место, где по легенде Олег пал от своего коня. Это сопка вешего Олега, рядом с которой расположен камень с надписью « Уникальный памятник археологии IX-X вв. Могила древнерусского князя Олега» При этом, дается подробная справка о самой личности: «Правитель, сподвижник Рюрика. Объединил во время военных походов Новгородские земли с Киевским княжеством, создав державу, которую стали называть государством Русь. Создатель Киевского государства, первой столицей которого была Старая Ладога» [21]. Это принятое с большой долей условности утверждение в конечном итоге закрепило в сознании жителей и наделило Старую Ладогу легендарностью.

Еще одним аспектом, который следовало прояснить и объяснить, является причины необходимости самих ладожан в создании у себя столицы. В этом отношении, термин «столица» служит не столько функциональным элементом (так как никто не будет оспаривать значение Москвы в современной России), сколько статусным и идентификационным. Иначе говоря,

локальная идентичность оказывается крайне важной для самоидентификации в условиях, когда на уровне национального (всероссийского) дискурса наблюдается то, что можно охарактеризовать как «вакуум идентичности». Кроме того, потребность в конструировании особой локальной идентичности усиливается в связи с географической близостью Старой Ладogi с Санкт-Петербургом, за которым закреплен неофициальный статус «европейской столицы России» и где преобладает европейская идентичность. В противовес «европейскости» Санкт-Петербурга ладожане подчеркивают исконно русский характер своего поселка с доминированием русской идентичности, вобравшей в себя традиции и символы Руси.

Рассмотрим несколько показательных примеров дискурсивных практик в Старой Ладoge, которые указывают на наличие там «столичного» элемента.

Первое, что сразу же обращает на себя внимание в Старой Ладoge - это многочисленные вывески и таблички с указанием года основания этого поселения, откуда, по легенде, «пошла земля русская». Материальное подтверждение древности Ладogi представлено в одном из главных музеев, в котором несколько залов посвящено археологическим раскопкам, найденным на территории села. В данном случае речь идет о женских украшениях, необычных камнях, различных бытовых изделий - то есть всего то, что создавало картину староладожской жизни в древности.

Подлинным символом Старой Ладogi можно считать Староладожскую крепость. В своем первоначальном виде она была заложена еще в XII веке и вплоть до XIII века служила форпостом зарождающегося русского государства на северо-западной границе. В XVI в. крепость несколько раз перестраивалась, пока окончательно не была захвачена шведами в XVII в. В настоящее время крепость была восстановлена, но при этом несколько фрагментов стен сохранились с древних времен, что создает впечатление некоей монументальности и величия. Раньше у крепости было пять башен, из которых сегодня остались только две (еще одна находится на реставрации). По словам экскурсовода, с одной из этих башен связаны следующие легенды. Через одну башню (от которой остались только руины) шел подземный тайный ход через реку Волхов. А в самой башне находился золотой гроб самого Рюрика. Наиболее пытливые туристы и энтузиасты до сих пор пытаются отыскать какие-либо признаки существования гроба Рюрика.

Каждое лето в Крепости проводится фестиваль, который привлекает зрителей не только из разных городов России, но и из-за рубежа. В частности, из Швеции, Финляндии, Польши, Великобритании. Одной из задач фестиваля является воспроизведение эпохи викингов с детальной демонстрацией особенностей быта первых поселенцев в Ладoge. Нужно заметить,

что организаторам удалось добиться полной стилизации под эпоху VIII века: на большом поле проходят бои между двумя войсками одетых под викингов молодых людей. Несмотря на постановочный характер битвы, накал страстей от этого, тем не менее, не стихает. В дополнение, зрителям демонстрируется свободное от битв времяпрепровождение, принятое у викингов. Таким образом, появляется уникальная возможность воочию увидеть разнообразные игры и соревнования в ловкости и мастерстве, которые были распространены среди варягов.

Помимо фестиваля, в Крепости представлена выставка живописи, посвященной Старой Ладoge. Центральной идеей данной экспозиции является, по словам ее авторов, «актуализация исторической памяти о потерявших былое значение городах-первоначалах» [21]. Основные образы, которые были использованы авторами, - это монастыри и церкви, а также виды на Староладожскую крепость.

Однако стоит заметить, что названный фестиваль является не единственным местом привлечения туристов. Особое значение представляют собой монастыри: в частности, Свято-Успенский (женский) и Никольский (мужской). Оба монастыря хранят соборы XII века: в Успенском соборе Свято-Успенского монастыря сохранились настенные фрески XII века, которые еще раз подтверждают важность Старой Ладogi не только как торгового центра но и духовного и культурного.

Таким образом, можно утверждать, что культивирование мифа о «столичности» Старой Ладogi позволило создать уникальную идентификационную модель.

Касимов

В Касимове ситуация кардинально отличается от двух других кейсов. Если и Старая Ладога, и Мышкин никогда исторически не были столицами в функциональном смысле, то Касимов служил подлинной столицей Касимовского ханства, существовавшего с 1452 по 1681 года. Первое упоминание города относится к 1152 году, тогда это место называлось Городец Мещерский, со временем пограничная крепость Владимиро-Суздальского княжества. Касимовское ханство было выделено Московским великим князем Василием Темным и поэтому на протяжении своего существования находилось в разной степени зависимости от Русского государства. Существовая во многом номинально, Касимовское ханство выполняло в том числе и внешнеполитические функции - почет и уважение касимовских ханов служили примером благоприятных отношений с Москвой на фоне попыток последней втянуть Казанское и Астраханские ханства в свою орбиту влияния. С тех времен в городе остались мечеть, кладбище, некоторые другие памятники истории. Хотя незначительную часть населения составляют татары, в основном это пришлое, появившееся много позже население [17].

■ Мировая политика

В Касимове наблюдаются расхождения в официальном и народном дискурсах. Так, На официальном уровне не уделяется особого внимания отдельным эпизодам из истории этих земель, а чаще говорится о Мещере, мещерском крае, мещерских болотах и лесах. В краеведческом музее доминирует официальный дискурс, согласно которому крымские и нагайские татары всегда были ставленниками Москвы, а последняя правительница Касимова, на тот момент полусамостоятельного государства, Фатима Султан Сиитовна была убита за то, что приняла христианство. В целом, экскурсоводы стараются замалчивать период существования Касимовского ханства, не делая акцент на его былом процветании и стратегическом положении.

В народном дискурсе события, определявшие судьбы страны рассматриваются через призму исключительного на них влияния касимовских земель. В сувенирных лавках целые стеллажи уставлены романами, повестями и сборниками стихов местных авторов, в которых творческое осмысление героев и событий происходит именно в антураже Касимовского ханства, как важного центра-столицы. Целый пласт художественной литературы, созданной местными писателями, посвящен периоду существования Касимовского ханства.

Помимо прочего, в Касимове активно культивируются образы, несущие в себе прямую ассоциативную связь с городом. Примерами такого образа могут служить «касимовская невеста», которая, по легенде, была дочерью ханского правителя; фигура Петра I, который отдал город в дар хану Касиму (миф существует и воспроизводится в сознании жителей, несмотря на то, что указанные персонажи жили в разные эпохи).

Необходимо отметить такую тенденцию: «столичность» Касимова стараются не афишировать на официальном уровне. Подобное явление вполне можно объяснить нежеланием властей возрождать идею о бывшей независимости данного края, что неизбежно ведет за собой создание уже нового пространственно-цивилизационного нарратива. В этой связи упоминания о татарской культуре фигурирует лишь на уровне архитектурных построек, а именно татарской мечети и минарета. При этом историческая память о касимовских татарах и их культуре не находит практически никакого практического воплощения.

Существуют разночтения в описании города и его истории. Так, некоторые касимовцы воспринимают город исключительно русским; другие - признают, что первоначально он был татарским, а потом стал русским; была также высказана мысль о том, что «город – русский, но они (прим. татары) – за нас» [22]. Само татарское население – меньшинство в городе, - живут не в основной его части, а «за оврагом», - место, которое называется «Старый Посад» Считается, что именно в старом Посаде минареты были расстреляны из пушек Петром I, который при-

плыл сюда на кораблях. Необходимо сказать, что сохранившийся в городе минарет представляет собой «осколок» той памяти, которая в российской истории была предана забвению. Для татарского населения Касимова минарет и мечеть имеют не только религиозное, но и особое символическое значение.

Наиболее полно дискурс о «столичности» проявился ходе нашей беседы с видным местным деятелем и проповедником Мустафой в действующей мечети и Центре татарской культуры и искусства имени Ахмеда Ишинбанва. Приводим отрывки из этого разговора, дающего представление о существовании альтернативной версии истории столичности города и причинах запятывания, распространенных в татарской среде.

«Первоначально эту территорию (прим.: где располагалось Касимовское ханство) населяли финно-угорские, то есть тюркские племена - поэтому мусульмане здесь жили издавна. Империя Чингисхана, занимавшая огромную территорию, со временем погрузилась в мрак междоусобной борьбы. Территории раздираемой конфликтами империи стали расползаться. Московское княжество и Касимов входили в улус Джучи. Ярлыки все князья получали в Казани, однако Василий II Темный вышел из-под контроля и пошел войной на татар. Победенный Улу-Мухамедом Василий оказался в заключении в Нижнем Новгороде. Этим хотели воспользоваться его братья, но Василия скоро выпустили и посадили на Москву. Касимовское ханство было образовано татарами на своей территории. Касым как чингизид обладал большой властью и был на равне с Казанским, Сибирскими, Нагайскими ханами, хотя и приезжал из Казани. Ханы назначались из Москвы короткое время и только на начальном этапе. Забывать прошлое и будущее нельзя, но именно этому способствует Запад, всячески и изо всех сил пытаясь навредить нам» [22].

Итак, благодаря Касимовскому ханству выстояла и Москва, ведь татары были на охране княжества, помогали князьям. А Шах-Али с Василием Темным даже ходили на Нижний Новгород. И очевидно, «Чингизид Симеон Бикбулатович из касимовских неспроста был поставлен Иваном Грозным на престол московский».

Сейчас в городе действует одна мечеть. Татары поддерживают связи с Казанью, из Красноярска их приглашают на «сабантуи». Они подчеркивают, что касимовский татарский язык отличается от казанского, т.к. последний более литературный.

В Касимове есть также письменные источники, благодаря которым нам удалось деконструировать миф о «столичности». Местные поэты и писатели очень ценятся в Касимове, Так, Касимов описывается как «Медвежий угол» между Рязанью и Владимиром, «Гиблое место» на далеком изгибе Оки. «Река в обхвате здесь еще так широка - до впадения в Волгу пару сотен верст. Граница Московской и Рязанской областей не

эфемерна, а очень конкретна, и ощущается она именно через качество дорожного покрытия: как только начинается Рязанская область, кончается и сносная дорога. Теперь её уже нельзя так называть - это направление, годное только для перевозки дров, да и то на гужевых повозках (хотя в этой оценке сквозит явное преувеличение). И тем не менее, ровная гладь московского полотна сменяется "обильностью" ям, ухабов, "наплеванных" здесь и там черных, как смоль, дорожных заплат...» [22]. У другого автора присутствуют следующие описания: «Леса, леса, леса, дремучие, непроходимые чащобы... Густой, частый, но чистый бор вдоль дороги. Встречаются и высокие стройные сосны - корабельный лес. То там, то здесь в прогалине проглядывает купол-маковка а затем и краснокирпичные или беленые своды, чаще обветшалые и чахлые, с глубоким налетом старины - шрамами времени...» [22].

Таким образом если в Старой Ладогe миф о столичности живет на официальном уровне, в Касимове он ретуширован и сохраняется преимущественно в слоях городской интеллигенции и татарском этническом меньшинстве.

Мышкин

Как почти у любого города, у Мышкина существует собственная «легендарная» история создания, которую нашей исследовательской группе рассказали экскурсоводы. Так, Мышкин был основан находчивыми крестьянами-капиталистами, для которых Н. Карамзин написал «Историю государства Российского» [21]. Мышкин претендовал на то, чтобы стать своеобразным Санкт-Петербургом в сердце России и имел для этого все основания, поскольку в Мышкине были развиты торговля, существовал стабильный средний класс в лице купечества; создавались театры, салоны, музеи и типографии. Все эти прекрасные начинания были прерваны с приходом советской власти, что осталось в памяти жителей города «черным пятном в истории. Мышкин занимал важное положение лишь в период с 1777 по 1923 г., когда выступал в качестве центра Мышкинского уезда Ярославской губернии.

«Столичность» Мышкина непосредственно связана с образом мыши. «С 1960-х гг. там начинает формироваться миф о мыши как символе города, в 1990-е гг. появляется миф о Мышином царстве как бренд с целью привлечения туристов, в котором Мышкин выступает столицей Мышиного царства» [19].

«Столичность» города Мышкин конструируется посредством разнообразного символического инструментария. Так, в Мышкине была сформирована своя государственность, а также стабильный государственный аппарат. У Мышиного царства есть свои Конституция, валюта и часы «мышанты», что непосредственным образом указывает на наличие создаваемой государственности, в существование которой верят. В центре города располагается царская

резиденция – «Мышиные палаты». Мыши, приехавшие из других городов и стран, подлежат регистрации в «Мышиной канцелярии» (прообраз Федеральной миграционной службы). Среди наград, вручаемых жителям города, – орден Мыши и премия «Золотая мышь» [13]. Кроме того, проводится прямая аналогия с Москвой и Римом, поскольку Мышкин расположен на шести холмах (подобно тому, как Москва и Рим расположены на семи)

Воображаемое государство мышей напоминает монархии XIX века: власть короля (Мышауса 229-го) является наследственной. Внешняя политика Мышиного царства строится за счет обоснования внешней угрозы – в данном случае «внешним другим», который призван консолидировать общество, предстают кошки.

В музее Мыши находится «карта мышиной географии», согласно которой Мышкин расположен в уникальном месте, а именно - на пересечении главных меридиан. В результате вполне обоснованно звучит претензия жителей города Мышкина на статус «центра мира». Однако мышкинцы не считают необходимым каким-либо способом отделять себя от России. В результате, была найдена магическая формула, которая была озвучена многократно экскурсоводом и жителями. Согласно их видению, Мышиное царство не претендует на автономность на внешней арене; оно органично входит в состав Империи Медведя [12, с.12]. (аллюзия на главный российский символ). Тем самым автоматически снимается вопрос о сепаратистских настроениях в Мышкине.

Само мышиное царство неоднородно, но при этом представляет собой пример успешно реализованного плюрализма. Так, в Дворце Мышауса располагается зоопарк, где представлены различные виды мышей и крыс. Рядом с зоопарком расположена «Сырная комната», воплощающая идеальный образ мышиной жизни. Можно говорить о том, что в социальной структуре мышиного государства выражена иерархия двух классов: доминирующих «антропомышей» (имеющих человеческие черты) и подчиняющихся обычных мышей.

В Мышкине проводится собственный фестиваль Мыши, инициатива проведения которого была выдвинута в 2010 году. Ежегодно фестиваль предлагает новую концептуальную рамку: в 2010 г. проводился парад невест, в 2012 – доминировали частушки на мышиную тематику, 2013 г – куклы-мыши в человеческий рост и т.д.

Помимо «мышиной тематики» жители города стараются прибегать к другим образам, которые, тем не менее, уступают по своей «коммерческой продаваемости» символам мыши и Мышиного царства. Так, в Мышкине существуют Дом ремесел, мельница чистовых, музеи валенок и льна и даже единственный в мире памятник валенку [21].

Нужно заметить, что 53% всех опрошенных жителей Мышкина указали на значение столица

■ Мировая политика

своего города для мышей всего мира, подтвердив при этом своеобразную универсальность своего географического положения в более глобальном контексте. Кроме того, практически для 19% жителей Мышкина основным символом города является мышь, а абсолютное большинство мышкинцев связывают «столичность» своего города с объектом, в котором в той или иной степени присутствует образ выси: Мышинные палаты, Музей Мыши, так называемые мышинный промысел и т.д.

Тем не менее, несмотря на прибыльность эксплуатации «мышинного образа» и построения воображаемого Мышиного царства, отношение мышкинцев особенно среди интеллигенции к такому конструированию все больше начинает меняться: от положительного к ироничному и даже негативному. Подобное явление было названо участницей нашей экспедиции М.Тисленко «мышескептицизмом» (по аналогии с термином «евроскептицизм»). «С одной стороны, мышь действительно стала символом города в сознании жителей: из 287 названных респондентами экспонатов, которые они бы отправили на выставку о Мышкине, 105 наименований так или иначе связаны с мышинной тематикой, то есть 36,6%. С другой стороны, мышкинцы в интервью часто выражали недовольство местной туристической политикой, жестко эксплуатирующей мышь как символ. По их мнению, подобные действия выставляют Мышкин исключительно как мышинный город и не позволяют разглядеть в нем другие черты, например, «провинциальный шарм». Соответственно, мышинный нарратив оказывается девальвирован собственной эксплуатацией, а жители, признавая его дискурсообразующим, все же начинают относиться к нему скептически» [19]. Мышинные палаты в таком дискурсе становятся «крысиными».

Итак, мышкинская столичность была сформирована снизу, в отличие от ладожской, формировавшейся сверху, но в отличие от касимовской она оказалась поддержана верхами и стала фактически официальным дискурсом.

Сравнительный анализ результатов социологических опросов в Старой Ладогe, Касимове и Мышкине

В ходе полевых экспедиций в Старую Ладогу, Касимов и Мышкин проводились блиц-опросы на улицах города.

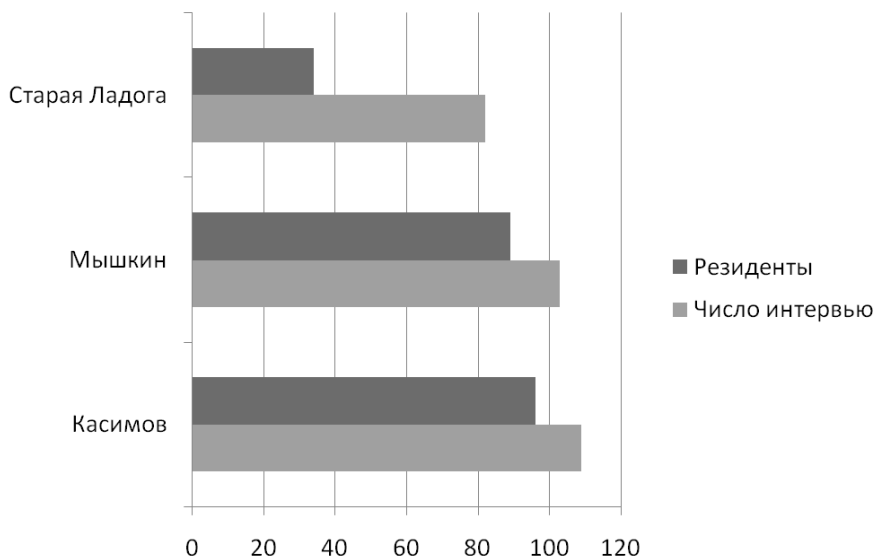
Всего в ходе интервьюирования было опрошено 294 человека: 109 в Касимове, 103 в Мышкине и 82 в Старой Ладогe. Статистика соотношения числа резидентов к общему числу интервью по городам представлена в таблице 1. В целом по трем городам доля резидентов составила 74,5%, причем в Касимове и Мышкине, она превышает показатели в 86-88%. Невысокая доля резидентов в Старой Ладогe объясняется сверхмалой численностью населения города (около 2000 человек), кратно превосходящую число посещающей его туристов. В целом, на наш взгляд, данные показатели позволяют говорить о репрезентативности результатов социологического исследования.

Первый вопрос анкеты требовал от респондентов ответить, насколько их город можно считать непровинциальным. Данное слово было выбрано нами для того, чтобы замаскировать концепт столичности, лежавший в основе исследования. Как видно из таблиц 2, результаты опроса показали, что во всех трех городах около половины жителей считают свой город однозначно провинциальным.

Как будет показано дальше, данный момент не мешает им осознавать и даже артикулировать представления о столичности города. Для Старой

Таблица 1.

Соотношения числа резидентов к общему числу интервью.
Table 1. The ratio of residents to the total number of interviews.

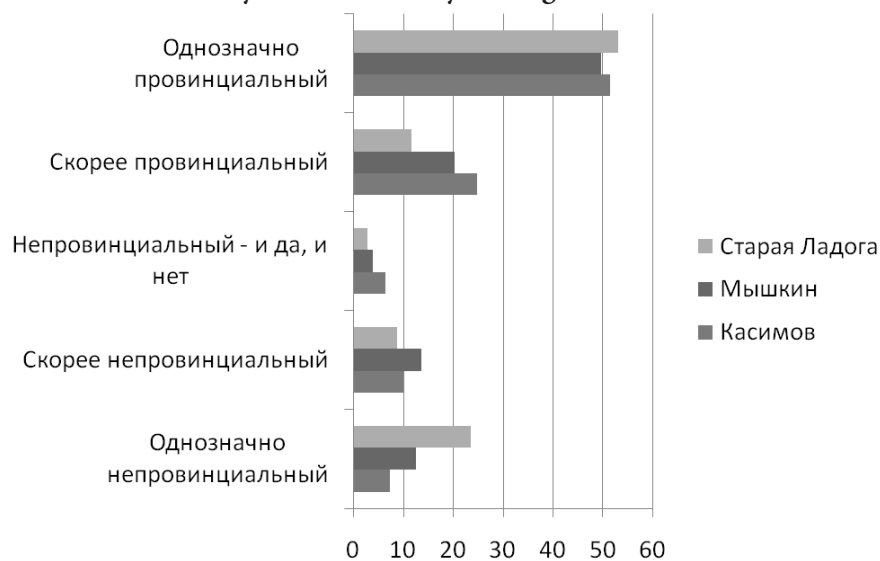

Источник: составлено авторами.

Таблица 2.

Сопоставление представлений о «непровинциальности» жителей Касимова, Мышкина и Старой Ладogi

Table 2. Comparison of the concepts of "non-provincialism" of Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga residents

Источник: составлено авторами.

Ладоги, где больше всего респондентов указали на однозначную непровинциальность их города (23,5 %) ответы в таблице приводятся только среди резидентов.

В таблице 2 представлены результаты сопоставления представлений о непровинциальности жителей Касимова, Мышкина и Старой Ладogi.

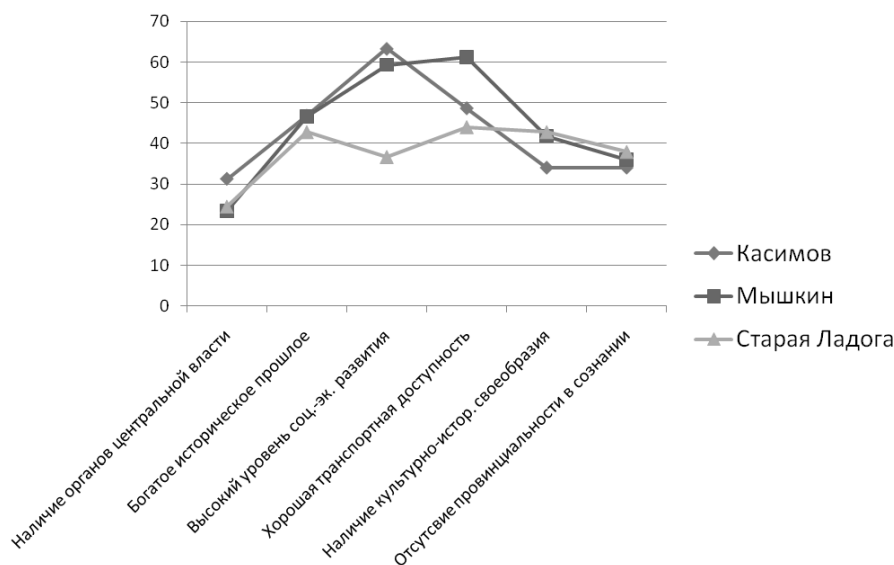
Второй вопрос анкеты был качественным, у респондентов мы пытались узнать, что делает их город непровинциальным. Как правило ответы сводились к перечислению того, чего

городу не хватает (результаты использовались для выводов включенного наблюдения). Вторым вопросом должен был подготовить респондов к третьему, в котором предлагалось выбрать три сферы, которые делают любой город непровинциальным: наличие органов центральной власти, богатое историческое прошлое, высокий уровень социально-экономического развития, хорошая транспортная доступность, наличие культурно-исторического своеобразия, отсутствие провинциальности в сознании горожан.

Таблица 3.

Сопоставление представлений о факторах «непровинциальности» в Касимове, Мышкине и Старой Ладoge

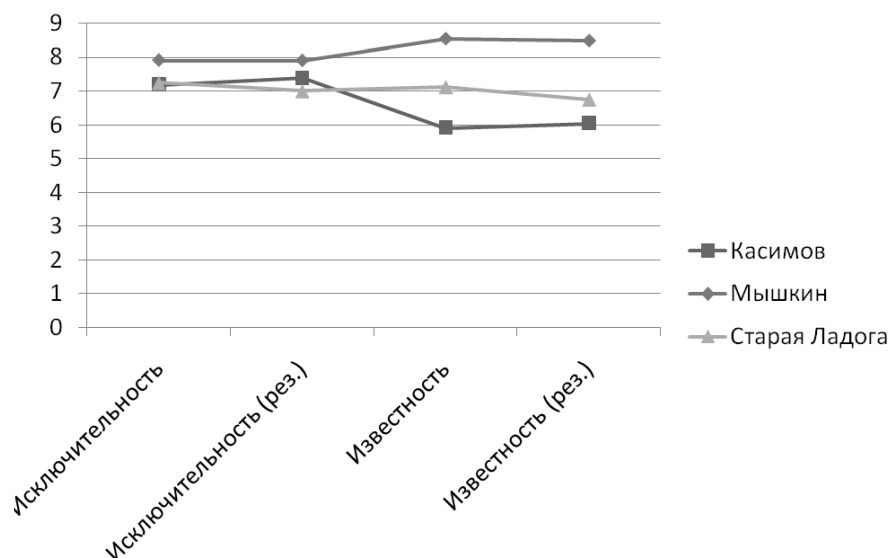
Table 3. Comparison of the concepts of "non-provincialism" factors in Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

Источник: составлено авторами.

Таблица 4.

Сопоставление представлений об исключительности и известности своих городов среди жителей Касимова, Мышкина и Старой Ладого
 Table 4. Comparison of the concepts of exclusivity and popularity among the inhabitants of the cities Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

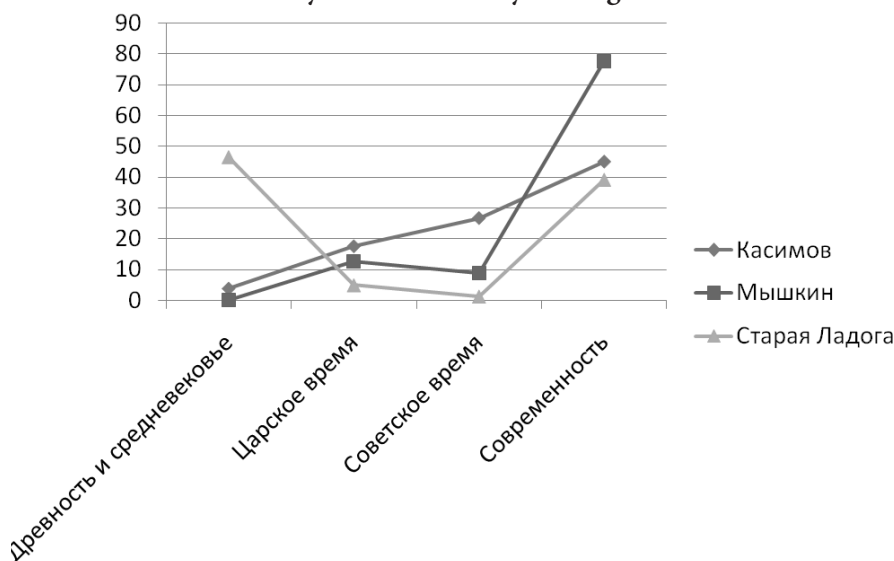
Источник: составлено авторами.

Таблица 3 с сопоставление представлений о факторах «непровинциальности» в Касимове, Мышкине и Старой Ладого показывает, что несмотря на то, что в традиционном смысле концепт столичности напрямую связан только с политической сферой (ответ 1), а в качестве факторов непровинциальности в свободном второй вопросе респонденты говорили преимущественно об экономике и инфраструктуре (ответы 3,4) имея выбор из шести факторов, порядка 40 % назвали также исторический (2), культурный (5)

и психологический фактор (6) среди ключевых для столичности, что на наш взгляд нетипично и отражает специфику выбранных нами городов. Несмотря на общую схожесть в ответах, следует обратить внимание на то, что уровень социально-экономического развития оказался наименее важным для Старой Ладого, тогда как хорошая транспортная доступность оказалась исключительно болезненной для жителей Мышкина (разговоры о строительстве моста через Волгу ведутся уже много десятилетий).

Таблица 5.

Сопоставление представлений о периоде расцвета города в Касимове, Мышкине и Старой Ладого
 Table 5. Comparison of representations of the period of flourishings in Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

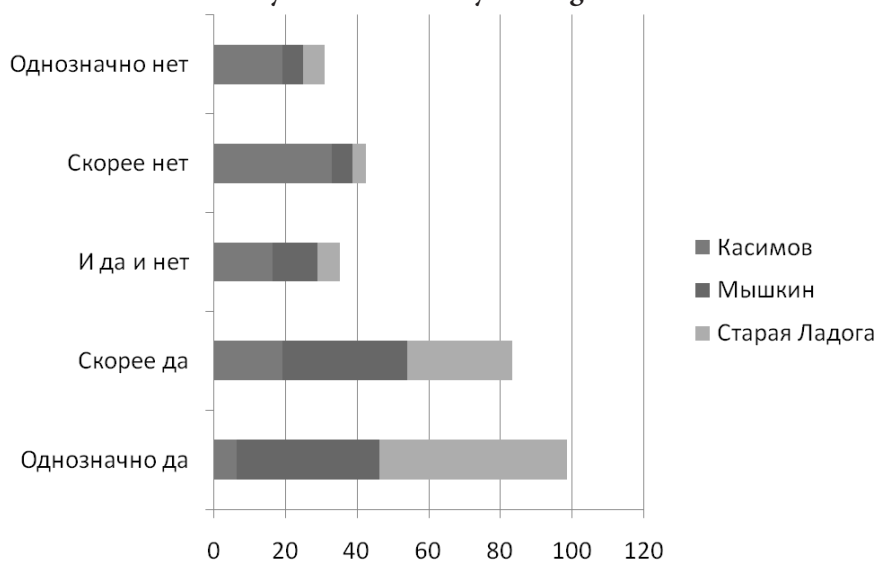

Источник: составлено авторами.

Таблица 6.

Сопоставление представлений о периоде столичности как о времени расцвета города в Касимове, Мышкине и Старой Ладоге

Table 6. Comparison of representations of the period as a capital city's heyday in Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

Источник: составлено авторами.

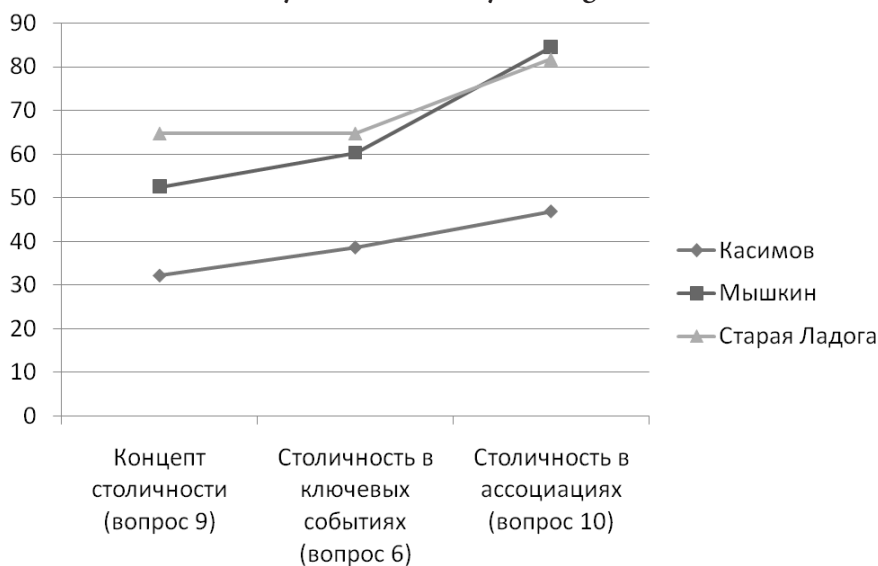
При опросах последовательность вопросов была 1-2-3-6-7-4-5-8-9-10-11, поскольку именно такая комбинация скрывала от респондента замысел исследования, однако для анализа воспользуемся правильной последовательностью. В таблице 4 представлены результаты ответов на вопросы 4 и 5, показывающие сопоставление представлений об исключительности и известности своих городов среди жителей Касимова, Мышкина и Старой Ладоги. Исключительность и известность анализировались как внутренняя и внешняя следствия

столичности соответственно. По предложенной десятизначной шкале респонденты оценили показатели исключительности и известности очень высоко (в районе 6-9 баллов). При этом, интересно, что если исключительность во всех трех городах была оценена примерно на одном уровне (7-8), то по показателю известности произошел раскол в ответах (Мышкин 8,5, Старая Ладога 7, Касимов 6). Данные для резидентов и приезжих примерно совпали. Можно сделать вывод о том, что во всех городах концепт столичности имеет

Таблица 7.

Сопоставление показателей исторической памяти о столичности в Касимове, Мышкине и Старой Ладоге

Table 7. Comparison of the historical memory of a capital period Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

Источник: составлено авторами.

■ Мировая политика

внутренний мотив, однако в вопросе внешнего признания своеобразия города чувствуется недооцененность (особенно ярко в Касимове).

Таблица 5 отражает квантифицированные результаты ответа на качественный 7 вопрос, в котором респондентов спрашивали, какой период они считают временем наибольшего расцвета города. Ответы были разбиты по четырем категориям: «древность и средневековье», «царское время», «советское время» и «современность». По нашей гипотезе временем расцвета города должен был стать период его столичности (древность в Старой Ладогe и Касимове и современность в Мышкине). Как мы видим, данное предположение подтвердилось частично для Старой Ладоги и Мышкина.

Таблица 6 демонстрирует сопоставление представлений о периоде столичности как о времени расцвета города в Касимове, Мышкине и Старой Ладогe. В вопросе 8, отображенном в таблице, спрашивалось, можно ли считать времена Касимовского ханства / сегодняшний день / древнерусский период, соответственно, временем наибольшего расцвета города? Результаты явно показывают, что период расцвета определенно связывается в сознании горожан со временем, когда у города были атрибуты столичности.

Таблица 7 отражает ответы на три качественных вопроса (6, 9 и 10). Ответы на данные вопросы с помощью контент-анализа были разбиты на две категории – содержащие отсылки к концепту столичности и нет.

Как мы видим, чем дальше в вопросах мы отходим от прямых ассоциаций со столичностью, тем более широко представленными мы находим данные представления в сознании. По всей видимости, память об столичности живет на подсознательном уровне, плохо артикулируется, однако хорошо выражается на символическом уровне. Данный вывод подходит и к последней таблице и ко всему анализу, в целом, и он вполне подтверждает выдвинутую изначально гипотезу.

* * *

Таким образом, случаи Старой Ладоги, Мышкина и Касимова доказывают присутствие сконструированной «столичности» на уровне сознания жителей, что в свою очередь формирует

их пространственную идентичность. По итогам проведенных экспедиций приходится констатировать на первый взгляд парадоксальный факт, что в Касимове, бывшей исторической столице Касимовского ханства, наименее осознанно и явно выражен дискурс о «столичности», в то время как в Мышкине, который никогда в истории не был каким-либо центром и никогда на это и не претендовал, данный дискурс вписан в воображаемое Мышиное царство со своей «историей» и символами «государственной власти». Вполне возможно, что данный феномен напрямую объясняется поддержкой со стороны официальных властей в деле внедрения в массовое сознание нарратива о «столичности». Кроме того, концепт «столичности» более органично воспринимается именно в Мышкине, по сравнению со Старой Ладогой и Касимовым, поскольку, согласно результатам проведенного социологического опроса, именно в Мышкине наименьший процент жителей остается недовольным последствиями привлечения туристов за счет культивирования у себя «столичности». Следовательно, можно утверждать, что для формирования «столичности» необязательно обладать историческими предпосылками для этого; одной из основных задач является наделение самого пространства символическим смыслом.

По итогам эмпирических исследований можно сформулировать результат исследования. Данные показали, что отсутствие институциональной основы не мешает данным городам актуализировать понятие столичность. Более того, символического капитала (иногда даже шуточного) оказывается достаточным, чтобы артикулировать наличие иерархических отношений между мифической столицей и некой периферией и даже выстраивать нарратив о некой нации, образованной данными отношениями. При этом, механизмы формирования столичного нарратива во всех трех случаях оказались разными: в Старой Ладогe это был изначально официальный дискурс, воспринятый населением, в Мышкине народный дискурс, наоборот, оказался затем востребован официальной властью, и наконец, в Касимове нарратив не поддерживается властью и распространен только в узких сегментах общества – среди татарской общины и городской интеллигенции.

Список литературы

1. Басова Д. Старая Ладога – «воображаемая» столица России // Сравнительная политика. 2015. Том 6, № 4(21). С. 89-93.
2. Благодёрова И. Касимов: ваш туристический гид. Шацк: Шацкая типография, 2010. 96 с.
3. Замятин Д.Н. Феномен/ноумен столицы: Историческая география и онтологические модели воображения // Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. С. 23-28.
4. Кирпичников А. Н. Государственной России 1150 лет. // Староладожский сборник. Выпуск 10. СПб. Каламос. 2013. С. 7-18.

5. Кирпичников А. Н. Заря русской государственности. // Старая Ладога – первая столица России. СПб. АО «Славия». 2013. С. 194 -202.
6. Кирпичников А. Н. Историческая панорама Старой Ладоги // Старая Ладога – первая столица России. СПб. АО «Славия». 2013. С. 15-51.
7. Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории // Старая Ладога – первая столица России. СПб. АО «Славия». 2013. С. 51-99.
8. Мачинский Д. А. Второе русское протогосударство со столицей в Невогарде. Рюриковом городке и конструкции русского государства, построенного на двуединстве Киева и Невогарда/Новгорода (870-1054 гг.) // Староладожский сборник. Выпуск 7. СПб. Нестор-История. 2009. С. 149-177.
9. Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси. // Староладожский сборник. Выпуск 7. СПб. Нестор-История. 2009. С. 18-52.
10. Мещерская новь: газета о касимовской земле и для касимовцев. Касимов: Приокский курьер, 2014. 10 июля № 27 (13 127).
11. Мещерские вести: общественно-политическая газета Касимовского района Рязанской области. Рязань: Пресса, 2014. 10 июля № 56 (1326).
12. Мышкины палаты. Мышкин: Масштаб, 2015. 12 с.
13. Окунева Е. Деконструкция мифа о столичности на примере города Мышкина // Сравнительная политика- Том 6, № 4(21) (2015), с. 102-104
14. Остапенко Г. Интерпретация пространства: пространственные конфигурации Старой Ладоги // Сравнительная политика. 2015. Том 6, № 4(21). С. 94-96.
15. Ржевский Ю.В. Василий Тёмный. Касимов: Касимовская типография, 2009. 105 с.
16. Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М. Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.
17. Савин С. Столица как центр государственного строительства – память о «столичности» Касимова // Сравнительная политика. 2015. Том 6, № 4(21). С. 105-106.
18. Тисленко М. Касимов и Мышкин: как одна пространственная идентичность делает одни города более столичными, а другие – нет // Сравнительная политика. 2015. Том 6, № 4(21). С. 110-112.

Об авторах

Игорь Юрьевич Окунев – к.полит.н., доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. E-mail: okunev_igor@yahoo.com.

Дарья Владимировна Басова – стажер-исследователь Клуба геополитических исследований МГИМО МИД России. E-mail: daryara@yandex.ru.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология».

APITAL WITHOUT STATEHOOD: EMPIRICAL STUDIES IN STARAYA LADOGA, KASIMOV AND MYSHKIN

I.Y. Okunev, D.V. Basova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article covers the concept of “capitaleness” and “geographical identity”. Our research will make an attempt to analyze an institute of capitals at functional as well as symbolic levels. In that case capitals serve not only as a place to dispose the governmental bodies, but their functions include national representation to themselves and the environment. Capitals are the idealized image of nation and national history, a sort of nation in miniature. Interregional differentiation within a state through establishing and maintaining mental boundaries between center and periphery is the mechanism to detect the territories needing the support for preserving the compliance with national norms and, thereafter, maintaining stateness. Two major territorial bases of stateness are traditionally singled out: nation-building and threats to security or, in other words, mental boundaries marking of “Us” community and actualization of “Others”. Contemporary political geography is turning to the study of the third mechanism – internal “Other”. Two strategies are possible to prove that interregional differentiation is a mechanism of nation-building.*

■ Мировая политика

Analysis of different discursive and institutional practices marginalizing regions would be logical. However such way leads us to the large number of cases differing from each other in the multitude of variables and, therefore, exclude generalization in the conclusions. Thereupon we consider it possible to address another strategy, such as the search for evidence that center is purposefully opposed to periphery and is given symbolic national and centrifugal functions as well as administrative ones. The existence of one dichotomic pole should confirm the existence of the opposite. There are three cases - of Staraya Ladoga, Myshkin and Kasimov – which interpret differently the peculiarities of geographical space. Besides, the authors give illustrative examples of the construction of the myth about “stolichnost” and describe the instruments of symbolic politics.

Key words: geographical identity, capitalness, interpretation of space, Staraya Ladoga, Myshkin, Kasimov.

References

1. Basova D. Staraya Ladoga – «voobrazhaemaia» stolitsa Rossii [Staraya Ladoga - "imaginary" capital of Russia]. *Sravnitel'naya politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 89-93. (In Russ).
2. Blagoderova I. *Kasimov: vash turisticheskii gid* [Kasimov: your tourist guide]. Shatsk: Shatskaia tipografiia, 2010. 96 p. (In Russ).
3. Zamiatin D.N. Fenomen/noumen stolitsy: Istoricheskaya geografiia i ontologicheskie modeli voobrazheniia [The phenomenon/noumenon capital: Historical Geography and the ontological model of imagination]. *Perenos stolitsy: Istoricheskii opyt geopoliticheskogo proektirovaniia. Materialy konferentsii 28–29 oktiabria 2013 g.* [Transfer of the capital: The historical experience of a geopolitical design. Proceedings of the conference held on 28-29 October 2013] Ed. by I.G. Konovalova. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2013. Pp. 23-28. (In Russ).
4. Kirpichnikov A. N. Gosudarstvennoi Rossii 1150 let. [The state Russian is 1150 years old]. *Staroladozhskii sbornik*. 2013. Issue 10. Saint-Petersburg: Kalamos. Pp. 7-18. (In Russ).
5. Kirpichnikov A. N. Zaria russkoi gosudarstvennosti [The dawn of the Russian statehood]. *Staraya Ladoga – pervaya stolitsa Rossii*. Saint-Petersburg: AO «Slaviia». 2013. Pp. 194 -202. (In Russ).
6. Kirpichnikov A. N. Istoricheskaya panorama Staroi Ladogi [Historical panorama of Staraya Ladoga]. *Staraya Ladoga – pervaya stolitsa Rossii*. Saint-Petersburg. AO «Slaviia». 2013. Pp. 15-51. (In Russ).
7. Kirpichnikov A. N. Ladoga v pervye veka ee istorii [Ladoga in the early centuries of its history]. *Staraya Ladoga – pervaya stolitsa Rossii*. SPb. AO «Slaviia». 2013. Pp. 51-99. (In Russ).
8. Machinskii D. A. Vtoroe russkoe protogosudarstvo so stolitseiu v Nevogarde. Riurikovom gorodke i konstruktsii russkogo gosudarstva, postroennogo na dvuedinstve Kieva i Nevogarda/Novgoroda (870-1054 gg.) [Second Russian proto state with its capital in Nevogarde. Rurik town and the Russian state structures, built on the double unity of Kiev and Nevogarda / Novgorod (870-1054)]. *Staroladozhskii sbornik*. 2009. Issue 7. Saint-Petersburg. Nestor-Istoriia. Pp. 149-177. (In Russ).
9. Machinskii D. A. Pochemu i v kakom smysle Ladogu sleduet schitat' pervoi stolitseiu Rusim [Why and in what sense Ladoga should be considered as the first capital of Russia]. *Staroladozhskii sbornik*. 2009. Issue 7. Saint-Petersburg. Nestor-Istoriia. Pp. 18-52. (In Russ).
10. *Meshcherskaia nov': gazeta o kasimovskoi zemle i dlia kasimovtsev* [Kasimovskaya newspaper on the ground and kasimovtsev]. Kasimov: Priokskii kur'er. 10 July, 2014. No. 27. Pp.13, 127. (In Russ).
11. *Meshcherskie vesti: obshchestvenno-politicheskaya gazeta Kasimovskogoraiiona Riazanskoii oblasti* [Political newspaper of Kasimovskogorayona Ryazan region]. Riazan': Pressa, 10 July 2014. No. 56 (1326). (In Russ).
12. *Myshkiny palaty* [Mouse Chamber]. Myshkin: Masshtab, 2015. 12 p. (In Russ).
13. Okuneva E. Dekonstruktsiia mifa o stolichnosti na primere goroda Myshkina [Deconstruction of the myth of a capital by the example of Myshkin]. *Sravnitel'naya politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 102-104. (In Russ).
14. Ostapenko G. Interpretatsiia prostranstva: prostranstvennye konfiguratsii Staroi Ladogi [Interpretation of space: the spatial configuration of Staraya Ladoga]. *Sravnitel'naya politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 94-96. (In Russ).
15. Rzhvskii Iu.V. *Vasilii Temnyi* [Vasily the Dark]. Kasimov: Kasimovskaia tipografiia, 2009. 105 p. (In Russ).
16. Rossman V. *Stolitsy: ikh mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiia i peremeshcheniia* [Capitals: their diversity, patterns of development and displacement]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2013. 336 p. (In Russ).
17. Savin S. Stolitsa kak tsentr gosudarstvennogo stroitel'stva – pamiat' o «stolichnosti» Kasimova [Capital as a center of state-building - the memory of the "Capital" Kasimov]. *Sravnitel'naya politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 105-106. (In Russ).
18. Tislenko M. Kasimov i Myshkin: kak odna prostranstvennaia identichnost' delaet odni goroda bolee stolichnymi, a drugie – net [Kasim and Myshkin: spatial identity as one makes one city more than the capital, and the other – no]. *Sravnitel'naya politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 110-112. (In Russ).

About the authors

Igor' Y. Okunev – PhD in political science, assistant professor at the department of comparative politics at MGIMO. E-mail: okunev_igor@yahoo.com.

Daria V. Basova –trainee-researcher of the Club of geopolitical research at MGIMO.
E-mail: daryara@yandex.ru.

The article is prepared with the financial support of the grant of the Russian Humanitarian Science Foundation №15-33-01206 «The role of capital in the process of state-building: the genesis, social constructivism, typology».